

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 1:165; 30: 303.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-121-132

«НУЛЕВОЕ», ИЛИ «ПУСТОЕ» ВРЕМЯ: К ПРОБЛЕМЕ ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ МАСС-МЕДИА

Мурейко Л.В.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I 190033, г. Санкт-Петербург, ул. Московский проспект, д. 9, Российская Федерация

Аннотация. В статье акцентируется вопрос о связи первого узнавания времени с бытийно-антропологическими условиями первых актов осознания человеком своей субъективности. Особенность «нулевого» («пустого») времени устанавливается через два его свойства, связанные с деперсонализацией. Первое – это свойство времени как гипотетически абсолютного начала, как «первотворения», обеспечивающего целостность мира. Второе – свойство «очищения» от «застывшего», стереотипного, иллюзорного знания. Понятие «нулевого» («пустого») времени способствует актуализации проблемы подлинного, полного знания реальности. Речь идет о знании, свободном от наслоения стереотипов, субъективных пристрастий, мнимой очевидности зримого и данных опыта, который может быть ограниченным. Новым является соотносительный анализ представлений о «нулевом», или «пустом» пространстве-времени в философии Платона, в постмодернизме, в изобразительном искусстве авангардизма и в теории масс-медиа. Основной метод исследования – междисциплинарный анализ. Результаты этого исследования могут быть применены в практической сфере для оптимизации средств сопротивления иллюзорным смыслам реальности, производимым масс-медиа.

Ключевые слова: «нулевое» или «пустое» время, пространство, деперсонализация, масс-медиа.

THE “ZERO”, OR “EMPTY” TIME: THE PROBLEM OF DEPERSONALISATION IN THE SPACE OF MASS MEDIA

L. Mureyko

*Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
9, Moskovskiy pr., St. Petersburg, 190033, Russian Federation*

© Мурейко Л.В., 2017.

Abstract. The article focuses on the issue of the connection of the first recognition time with existential-anthropological terms of the first acts of man's awareness of his subjectivity. The feature of "zero" ("empty") time is set through two properties associated with depersonalization. The first one is a property of time as a hypothetical absolute beginning to ensure the integrity of the world. The second property is of "purification" from "frozen", stereotypical knowledge. The concept of "zero" ("empty") time contributes to the mainstreaming issues of genuine, full knowledge of reality. What is meant is the knowledge free from stereotypes, subjective preferences, and false obviousness of the visible data and experience which may be limited. The contribution of this article is in correlative analysis of the concepts of "zero" or "empty" space-time in the philosophy of Plato, postmodernism in the visual arts of the avant-garde and in the mass media theory. The main method of research is an interdisciplinary analysis. The results of this study can be applied in practical optimization of the means of resistance to the illusory sense of reality produced by the media.

Keywords: "zero" or "empty" time, space, depersonalization, mass-media.

Деперсонализация имеет две разновидности: элитарную и повседневно-массовую. В обоих случаях она понимается автором как стремление индивида победить свою ограниченность, выйти за свои пределы. Заметим, что преодоление своей ограниченности может быть и иллюзорным. «Нулевое», «нейтральное», или «пустое», время, рассматриваемое в социально-антропологическом ракурсе и связываемое с деперсонализацией, понимается здесь как время *гипотетически* абсолютного начала, обеспечивающего устремленность индивида к целостности и подлинности знания о мире. В этой связи «нулевое» или «пустое» время – важное условие полноты знания и «первотворения» смысла существующего, «проглядывающего» сквозь толщу многообразных во многом искусственных средств его интерпретации.

Время находится в тесной связи с пространством. Первые обнаружения *основ* пространства и времени связаны с нахождением фиксированных повторяющихся моментов, но больше – с некой трудностью, неопределенностью

такой фиксации. Иначе говоря, основы пространства и времени заявляют о себе не столько уже определившимся местом и ритмом изменений, их готовыми, результативными формами, сколько самой бытийно обусловленной способностью их *порождения*.

Конечно, идентификация объекта требует некоторой константности, определенности пространства и времени. Но изменяющийся объект для более полного и, значит, более точного своего пространственно-временного определения предполагает время времени (мета-время), находящегося в тесной связи с пространством пространства (мета-пространство). В данном случае речь идёт и о самой *возможности* места, подлежащего идентификации, и о самой *возможности* его вариативной множественности (ради изменения), и о *возможности* чувственного и логического выражения мета-времени и мета-пространства.

В философии Платона таким «пустым местом» является «матерь-восприимница» всего рожденного и существующего в качестве видимого и в более широком смысле – всех форм

чувственного. Она является связующим началом Ума-демиурга, Порождающего Вселенную, и всего им порожденного. В диалоге «Парменид» Платон характеризует это начало («всевосприимлющий вид», «эйдос») как совпадающее с вечным, физически незримым пространством. Даруя обитель всему рождающемуся, «всевосприимлющий вид» воспринимается особым образом: вне ощущения, посредством некоего «незаконного умозаключения» [18, с. 52]. Не находя его в чувственных образах, мы неправоммерно утверждаем, что оно не существует.

Подчеркнем: в «Пармениде», по Платону, основные свойства пространства как такового, возникшего ещё до рождения Вселенной и до времени: 1) быть принципом дробимости всего так, чтобы в каждой части было указание на целое; 2) быть своеобразным «ситом» для отсеивания сходного, обеспечивая возможность Космоса (порядка).

Заметим, С.С. Аверинцев, переводя на русский язык «Тимея», использует для обозначения пространства термин «хора», который в текстах Платона весьма неоднозначен [19, с. 421–500]. Ж. Деррида, читая «Тимея», больше делает акцент на том смысле слова «хора», который означает «первопространство», т. е. пространство ещё не ставшее, ещё неопределенное. При этом он выводит на первый план значение «воображаемое место», «промежуток», понимая под этим место особого рода, т. е. саму *возможность* места. Тем самым акцентируется тот смысл слова «хора», что означает: «„вещь“ которая не имеет ничего общего с тем, чему она вроде бы „дает место“, по сути, никогда ничего не давая: ни идеальных перво-

образов вещей, ни подражаний действительному творцу. Под вашим взором проявляется заключенная сама в себе идея. Бесчувственная и бесстрастная, недоступная риторике» [9, с. 12].

Но, может быть, всё-таки есть какой-то *особый* языковый способ выразить такого рода пространство? Для этого требуется его проявление в конкретных вещах. Как верно заметил В.Н. Топоров, само по себе «пустое» пространство в силу своей абстрактности «немо и слепо». Заявляет оно о себе только через вещи, благодаря которым «у него появляется «голос» и «вид (облик)» [23, с. 279]. Но в силу множественных связей вещей и их обозначений во времени, лишь «идя от имени к имени, можно уяснить», например, «имя розы» [11, с. 46].

Ж. Делез предлагает понимать языковое выражение «пустого времени», требующего «пустого пространства», как «*единоголосие*», которое «возвышает и выделяет Бытие с тем, чтобы яснее отличить его от того, в чём оно имеется, и от того, о чём говорится. [8, с. 238–239]. В «пустом» времени (Эоне), в отличие от Кроноса, каждое событие существует так, как будто ничего не происходит. Такое время обладает свойством постоянного масштабного охвата всего, что существует. В выражающем его «единоголосии» предельно близко сходятся язык и вещи в их неповторимости. «Единоголосие», согласно Делезу, «является чистой формой Эона, формой овнешнения [fonne d'exteriorite], связывающей вещи и предложения...» [8, с. 239]. «Единоголосое Бытие» имеет три важные грани. Это «одно событие для всех событий; один и тот же *allquid* для того, что происходит, и для того, что высказы-

вается; одно и то же Бытие для невозможного, возможного и реального» [8, с. 239]. При этом, согласно Делезу, есть риск смешивать «единогласие» подлинного Бытия с «псевдоединогласием» [8, с. 238], руководствующимся лишь аналогиями и стереотипами.

Но если Ж. Деррида и Ж. Делез в «пустом» пространстве-времени больше обращают внимание на возможность *безличной* (анонимной, нейтральной) формы личного, свободной от ограниченности субъекта, то Х.Л. Борхес, не упуская из виду безличный способ освоения мира человеком, всё же акцент делает на *неповторимо личном*. Размышляя над разделом в «Эннеадах», в котором утверждается, что «прообразом и архетипом» времени служит вечность, а также над «Тимеем» Платона, где время определяется как подвижный образ вечности, Борхес справедливо отмечает: без особого собственного опыта переживания вечности человек не знает, что значит время как таковое и что значит настоящее. В качестве примера подобного опыта освоения времени он приводит случай из своей жизни, когда, приехав в городок детства и юности, где не был тридцать лет, он гулял вечером в его окрестностях и заблудился. Наконец, выйдя к границам своего родного квартала, он испытал то самое чувство, которое и обозначается словом «вечность». В том, что он увидел после блужданий и потери ориентиров в пространстве (что сказало на некоторой утере четких смысловых границ его «Я»), время обрело бытийное свойство. Предметно-вещный мир был тем же и вместе с тем имеющим другое измерение – это был мир «первотворения». Вот как Борхес описывает это

чувство: «Казалось, я умер и превращаюсь в чистое сознание мира... Между двумя событиями – тихой ясной ночью, деревенским запахом жимолости, первозданной глиной – и ночью, запахом и глиной столетней давности нет прямого сходства... то было одно и то же событие. Стоит лишь нам ощутить эту тождественность, как время покажется иллюзией, ибо для его уничтожения достаточно, чтобы настоящее невозможно было отличить (или отделить) от его подобия в прошлом» [3, с. 87–88]. «Вечность... – одновременность всех времен» [3, с. 64]. Но это состояние не передает сама по себе категория «вечность»: «за исповедальной робостью этих строк, – пишет Х.Л. Борхес, – скрыт озноб души, а в пережитом опыте – озарение духа...» [3, с. 88].

Выделим из вышеприведенных разных позиций в понимании оснований пространственно-временного восприятия следующую мысль: если мы хотим в достаточно полной мере идентифицировать что-то в пространстве-времени, нам не обойтись, в конечном счете, без выхода на границы самой бытийной возможности того, что мы называем пространством и временем. Здесь должен быть особый способ зрения (благодаря вхождению личного в бытийно-безличный контекст), особое проявление чувственных и языковых средств, внимания, памяти.

В художественной форме эта идея просматривается в романе Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества». Уловив принципы времени «испорченного» (бессмысленно длящегося, не приносящего ожидаемых результатов) и времени неожиданно продуктивных, не рутинных действий, *слепая* старуха

Урсула быстрее всех зрячих обитателей большого дома находит затерявшуюся вещь [15, с. 264–267].

Поэт Н. Гумилев предложил свое художественно-образное изображение взгляда, обращенного к мета-пространству и мета-времени в их бытийной характеристике, – это фигура Самофракийской богини: у неё нет головы и соответственно глаз, но только она и зрит огни невиданного рая. Весьма выразительной также является художественно-образная фиксация мета-времени в фильмах И. Бергмана – часы, у которых нет стрелок.

Заметим: образ часов в живописи, присутствующий в изображении предметного мира, имеет особый семиотический статус, обеспечивая средству семантического сгущения. Именно поэтому он особенно востребован в переходные времена, эпохи перемен, неопределенности с характерным разрушением системы прежних ценностей и пересмотром возможностей субъекта в объяснении мира, нормативных границ его действий. В такие эпохи образ часов в изобразительном искусстве особенно ярко высвечивает в себе парадокс перцепции: этот образ вроде бы отсылает человека к реальному предмету-референту, при том что этот референт в семиотическом ракурсе – лишь *видимость* предмета как такового, поскольку является лишь знаком, заместителем времени.

Учёт этого факта был положен в идейное основание «беспредметного» изобразительного искусства символизма, исторического авангарда: часы как предмет здесь изображаются редко. Однако поздний авангард, осмысливая теорию относительности, открытие деления атома, существенно

обновивших представления о материальном мире, о его неявной структуре, о проявлении высоких скоростей в меняющихся формах вещества, вновь обращается к образу часов, активно используя идею включенности времени в пространство, его материально-вещное проявление.

Для промежуточного этапа в обращении художников-авангардистов к образу часов характерна такая ситуация, когда вещным репрезентантом времени становится само изображение, включая его материальный носитель. В этом проявлялось стремление к сближению денотата и сигнификата. В более конкретном выражении практиковалась такая визуализация времени, при которой предмет представлен динамично как наблюдаемый одновременно с разных позиций, что было особенно характерно для русского кубофутуризма.

При этом часто сочетая линейное и циклическое время так, чтобы усилить семиотический статус образа круга, сделать его более динамичным, художники обращались к солярной мифопоэтике. Яркий пример – картина «Без названия» И. Клуна, композиция «Супрематизм» К. Малевича. Мотив солнца можно найти и в «Черном квадрате» К. Малевича. В этой работе явно прослеживается впечатление от оперы А. Крученых «Победа над солнцем» (1914), декорации к которой создавал К. Малевич. В этой связи «Черный квадрат» можно понимать как антипод привычно воспринимаемому времени, изображаемому посредством метафоры солнца, или как отсутствие такого времени.

Позже циферблат и часы как вещь вновь появляются на полотнах худож-

ников-авангардистов, правда, с акцентом на их условность по отношению к самому времени. Так, на картине «Постоянство памяти» (1931) С. Дали динамичность, пластичность, неопределенность времени в его текучести изображается в виде узнаваемого циферблата, но похожего на стекающий кусок расплавленного сыра.

Подчеркнем, в абстрактом («нулевом», «пустом») выражении времени (как философском, так и художественном) фиксируется не только проблема социально, субъектно обусловленного конструктивизма разных форм репрезентации одного и того же объекта, не всегда осознаваемой переполненности воспринимаемого бытия концептами. В таком выражении времени проблематизируются так же возможность политического нонконформизма, визуализация одновременности прошлого, настоящего и будущего, как и свобода от стереотипов, от излишнего доверия зримому, данному в ограниченном опыте. Тем самым «нулевым» временем акцентируется «идея измерения времени, как и само понятие времени, «времени часов» (Бергсон), – продукты кодификации и вне определенного кода лишены смысла» [25, с. 280]. Так, дикарь, не будучи знакомым с назначением будильника сдвигающимися стрелками как средства для измерения времени, способен повесить его себе на шею для украшения себя или устрашения других.

Если понятия «вечность» и «конкретное время» рассматривать как бинер, то первое будет тезисом этого бинера, а второе – антитезисом (некоторой его манифестацией, проявлением). «Тезис обнаруживает себя посредством своего отношения к иному – к

своим антитезисам» [10, с. 3].

Исходно проявляться для человека пространство-время начинает вместе с обнаружением того, что наблюдаемый им предмет может отличаться от себя и быть по-разному истолкованным, и тем самым через узнавание его социокультурного, антропоморфного двойника-кода. Именно тогда у человека, наблюдающего этот предмет, появляется способность к саморазличию. К одному из признаков такой способности относится тот факт, что себя в зеркале он воспринимает не только как отражение «того же самого», но и иного, незнакомого. В философии этот феномен подробно исследован Ж. Лаканом [12], а поданный в прекрасной художественной форме этот феномен можно найти в рассказе Х. Борхеса «Чернильное зеркало» [4, с. 52–56]. Но более высокий уровень саморазличия, по тонкому наблюдению М. Мамардашвили, проявляется, когда человек обнаруживает в себе свои собственные часы с невидимым для других «указанием-стрелкой» «на то, что можешь только ты» [14, с. 234]. В этом случае событие «нельзя отложить во времени, нельзя сложиться с усилиями других, усилия здесь не суммируются и не вычитаются, а индивидуализируются» [14, с. 234]. В этом случае формальный социокультурный код встречается с экзистенциалом, что важно для выявления собственной субъективности и её особой пространственно-временной организации.

В условиях растущей роли масс-медиа феномен экзистенциальной меры времени должен не просто учитываться в организации социализации детей, обучения, а рассматриваться как важнейшая составляющая гуманной и

неформальной системы воспитания и образования [22], как эффективное средство выявления стереотипов в познании мира и сохранения человеком своей самобытности.

Итак, «нулевому», или «пустому». времени гипотетического начала мира в его социально-антропологическом измерении присуще свойство бытийно-смыслового «первотворения». С этим свойством тесно связано другое его свойство – «очищение» от непропорциональной универсализации преходящего, от ограниченного, иллюзорного знания. Заметим, что с «опустошения», понимаемого как очищение от физической грязи, от греха (духовной нечистоты), от несамостоятельности начинаются важнейшие древние ритуалы у многих народов. В древнегреческой культуре *καθάρως* означает «чистый, свободный от порока, вины»; а *καθάρω* понимается как «чистое или свободное, ничем не занятое место». Именно значение этих слов послужило основой для термина «катарсис» в толковании Платона – как техники освобождения мышления от страстей и от доксы ради очищения места для подлинного знания, для истины.

Обращаясь к этимологии слова «пустой», отметим его неоднозначность. В русском языке оно обозначает и 1) «тщетный, бесполезный», и 2) «лицемерный» (так, «пусто-святство» – это лишь «видимость святости»), и 3) «праздный», т. е. свободный («очищенный») от дел рутинных, насильственно-обязательных, совершаемых по не обсуждаемым правилам, как и от дел ошибочных, «зловредных». В последнем случае «праздный» значит открытый чуду полноты бытия-знания, бескорыстной гармонии с миром,

другими людьми, а также нового смысла существующего. В греческом языке однокоренные слова *ερημος* и *ερημια* применительно к самоощущению человека обозначают разные смысловые оттенки слова «пустынный». В первом случае акцент делается на безлюдности как покинутости или лишенности чего-то важного, тогда как во втором – на безлюдности как уединенности, спокойствию.

Все указанные значения сохраняются (хотя и в переработанном виде) в современном философском понятии «пустота». Заметим, в современной философской литературе такие характеристики времени, как «нулевое» и «пустое», чаще всего используются как синонимы. В этой статье автор следовала сложившейся традиции. Однако в перспективе, особенно в исследовании масс-медиа, зачастую спекулирующих на якобы нейтральной подаче информации, всё же стоит разграничивать «пустое» время и время «нулевое»: первое следует употреблять при оценочном подходе к пониманию времени, тогда как второе – при ценностно-нейтральном.

В масс-медиа идея «нулевого» времени как идея «первотворения» и полноты знания реализуется через подачу искусственно сконструированных смыслов объектов и субъектов [17], прежде всего, как нейтральных по отношению к отдельной субъективности и тем самым как якобы подлинных, ведь подлинность их знания означает преодоление ограниченности человеческих возможностей [16]. При этом осуществляется спекуляция на проблематичном стремлении человека к свободе от стереотипов и полноте знания. Отсутствие последнего замещает-

ся его суррогатом – бесконечно многообразным, рост которого усиливается рыночным, натуралистическим и потребительским отношением к познавательным и духовным способностям, к культуре в целом.

Для исследования феномена иллюзии полноты и подлинности знания, связанного с иллюзией субъектности (феномена, присущего не только массам, но и современной интеллектуальной элите), постмодернизм использует понятия «нулевая степень» [1], «пустой знак» [20] и др.

Эти понятия сегодня фиксируют тот факт, что потенциальное знание всех возможных значений знака в эпоху особой роли медиа доводит определенность значения до растворения его в великом множестве интерпретаций, акцентируя проблему деперсонализации. Понятием «пустой знак» постмодернизм подчеркивает самодостаточность семиотических сред по отношению к внетекстовым феноменам, усиливаемую современными массмедиа. Речь идет о том, что понятие, с которым связаны слова, оторвано от денотата, призванного онтологически поддерживать семантическую определенность понятия.

Данная ситуация проецируется и на феномен современного нарциссизма, который, будучи доведённым до своего предела, начинает переходить свою границу, вступая в поле деперсонализации. Современный нарциссизм Ж. Липовецки справедливо определяет как «выражение на все случаи жизни <...> сообщение, не имеющее ни цели, ни слушателей; автор сообщения, ставший его же главным слушателем» [13, с. 30]. С позиции Липовецки, с которой можно согласиться, пустота

самовыражения, рассматриваемая в плане анонимности или «прозрачности» индивида, его растворенности в окружающей среде, имеет не только отрицательные, но и положительные свойства (обеспечение мышления способностью к эвристике, многоплановости, широкой коммуникации, пластике).

Тема «“Нулевое”, “пустое” время» в её связи с темой «нулевого» или «пустого», пространства весьма актуальна для развития как теории массмедиа, так и теории информационного общества. В приложении к реалиям современного социума, для которого характерны глобализация и широкая информатизация, новые формы «нулевого» пространства просматриваются в приобретающих всё большее значение так называемых гетеротопий, или «топосов перехода» (интернет-пространства, аэропортов, вокзалов, номеров отелей и других транзитных мест). Подчеркивая их неопределенность, требование деперсонализации людей, которые их занимают, Марк Оже называет их «ничейными местами» или «не-местами» [27]. Соответствующее этому пространству современного общества «нулевое время» проявляется в обретении социумом безличной «гиперпамяти», обеспечиваемой информационными технологиями. «Гиперпамять», безразличная к традициям, ценностным пристрастиям, требует гипермедиальных кодов, которым свойственны пластичность, трансформация всех месседжей, включая их составляющие: не только вербальных текстов, но и образов, звукового фона. Главное свойство как «нулевого» пространства в виде «ничейных мест», так и «нулевого» време-

ни в виде «гиперпамяти» – подходить для любого человека и любой ситуации, чему способствуют их суггестивные формы и громадные тиражи.

Подведём итоги.

1) Общая характерная черта «нулевого» («пустого») времени и «нулевого» («пустого») пространства – актуализация подлинного, полного знания реальности. Речь идет о знании, свободном от наложения стереотипов, субъективных пристрастий, мнимой очевидности зримого и данных опыта, который может быть ограниченным.

2) «Нулевое» пространство и «нулевое» время масс-медиа в силу их безличия создают эффект естественной среды и эффект объективного исходного начала для творческого поиска человеком смысла мира. Важно не только установление механизма использования пространственно-временного фактора для создания этого эффекта, для продуцирования заблуждений человека, но и выявление продуктивной стороны феномена «нулевого» пространства-времени в его функции очищения сознания от стереотипов. Эта сторона может стать опорой для сопротивления ложным иллюзиям реальности.

3) «Нулевое» время является важ-

ным общим фактором (хотя и по-разному проявляемым) для элитарной и повседневно-массовой разновидностей деперсонализации. Это следует учитывать в исследовании перспективы взаимопонимания интеллектуальной элиты и масс. В учёте и раскрытии этого фактора коренится дополнительный потенциал интеллектуальной элиты для её попытки продуктивного использования феномена деперсонализации, чтобы пробудить разумную индивидуальность в представителе массового общества.

4) В качестве одного из решений проблемы связи личного и безличного, элитарного и массового способов смыслового структурирования реальности с учётом фактора времени может быть конкретизация разновидностей чувственных форм восприятия времени и особенно видов его зримого, «опредмеченного» представления. В этом плане перспективным является *соотносительный анализ* «зрелищного» времени, характерного для масс [6; 21; 26], и «пространственного» времени в художественно-изобразительном творчестве интеллектуальной элиты [2; 5; 8; 24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Нулевая степень письма / Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.
3. Борхес Х.Л. История вечности // Борхес Х.Л. От некто к никто М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 61–89.
4. Борхес Х.Л. От некто к никто. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 344 с.
5. Грякалов А.А. Письмо и событие. СПб.: Наука, 2004. 488 с.
6. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
7. Делез Ж. Кино: Кино 1. Образ-движения; Кино 2. Образ-время / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem, 2004. 624 с.
8. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 340 с.
9. Деррида Ж. Хора // Деррида Ж. Эссе об имени. М., СПб., 1998. С. 135–185.

10. Егоров А.Г. Логико-философский анализ бинера «тождество – различие» // Казанская наука. 2011. № 6. С. 7–12.
11. Костюкович Е. Умберто Эко. Имя розы // Современная художественная литература за рубежом. 1982. № 5. С. 40–47.
12. Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образование бессознательного. 1957–1958. М.: Гнозис: Логос, 2002. 608 с.
13. Липовецки Ж. Эра пустоты: Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 331 с.
14. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М.: Ad Marginem, 1995. 548 с.
15. Маркес Г. Сто лет одиночества. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 448 с.
16. Мурейко Л.В. О природе массового сознания в контексте исследований «искусственного интеллекта» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 110. С. 90–100.
17. Мурейко Л.В. Массовое сознание: о специфике субъекта mass-media // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 83–93.
18. Платон Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
19. Платон Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
20. Пустой знак // Новейший философский словарь. 3-е изд. Минск.: Книжный дом, 2003. С. 810.
21. Пуую Ю.В. Скрытый смысл рекламы // Идеи и идеалы. 2016. № 1 (27). Т. 2. С. 47–53.
22. Романенко И.Б. Гуманизация образования и проблема дефицита молодежных ценностей // Вестник Оренбургского государственного университета: электронный научный журнал. 2013. № 4. URL: [адрес не найден].
23. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
24. Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды: в 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 9–70.
25. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. 544 с.
26. Эриксен Т.Х. Тирания момента: Время в эпоху информации / пер. с норв. М.: Весь мир, 2003. 207 с.
27. Augé M. Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. London, New York: Verso, 1995. 132 p.
28. Thompson J.B. Media a modernita. Praga: Karolinum, 2004. 219 p.

REFERENCES:

1. Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma [Writing Degree Zero] / Semiotika [Semiotics]. М., 1983, pp. 306–349.
2. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and of the Chronotope in the Novel] // Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]. М., 1975. Pp. 234–407.
3. Borkhes Kh.L. Istoriya vechnosti [History of Eternity] // Borges J.L. Ot nekto k nikto [From Someone to None]. М., OLMA-PRESS, 2000. Pp. 61–89.
4. Borkhes Kh.L. Ot nekto k nikto [From Someone to None]. М., OLMA-PRESS, 2000. 344 p.
5. Gryakalov A.A. Pis'mo i sobytie [Letter and Event]. SPb., Nauka, 2004. 488 p.
6. Debor G. Obshchestvo spektaklya [The Society of the Spectacle]. М., Logos, 2000. 184 p.
7. Delez Zh. Kino: Kino 1. Obraz-dvizheniya; Kino 2. Obraz-vremya / per. s fr. B. Skuratova [Movie: Movie 1. Motion Image; Movie 2. Time Image / trans. from French by B. Skuratov].

- М., Ad Marginem, 2004. 624 p.
8. Delez Zh. Logika smysla [Logic of Sense]. М., Akademiya, 1995. 340 p.
 9. Derrida Zh. Khora [Choir] // Derrida Zh. Esse ob imeni [Essay on Name]. М., SPb, 1998, pp. 135–185.
 10. Egorov A.G. Logiko-filosofskii analiz binera «tozhdestvo – razlichie» [Logico-philosophical analysis of the binary “identity – difference”] // Kazanskaya nauka, 2011, no. 6, pp. 7–12.
 11. Kostyukovich E. Umberto Eko. Imya rozy [Umberto Eco. The Name of the Rose] // Sovremennaya khudozhestvennaya literatura za rubezhom. 1982, no. 5, pp. 40–47.
 12. Lakan Zh. Seminary. Kniga 5. Obrazovaniya bessoznatel'nogo. 1957–1958. М., Gnozis, Logos, 2002. 608 p.
 13. Lipovetski Zh. Era pustoty: Esse o sovremennom individualizme [The Era of Emptiness: Essays on Contemporary Individualism]. SPb., Vladimir Dal', 2001. 331 p.
 14. Mamardashvili M. Lektsii o Pruste [Lectures on Proust]. М., Ad Marginem, 1995. 548 p.
 15. Markes G. Sto let odinochestva [One Hundred Years of Solitude]. М., EKSMO-Press, 2001. 448 p.
 16. Mureiko L.V. O prirode massovogo soznaniya v kontekste issledovaniia «iskusstvennogo intellekta» [On the Nature of Mass Consciousness in the Context of Research of “Artificial Intelligence”] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2009, no. 110, pp. 90–100.
 17. Mureiko L.V. Massovoe soznanie: o spetsifike sub'ekta mass-media [Mass consciousness: the specificity of the subject of mass-media] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2009, no. 111, pp. 83–93.
 18. Plato Sobr. soch.: v 4 t. T. 2 [Collected Works: at 4 Vol. Vol. 2]. М., Mysl', 1993. 528 p.
 19. Plato Sobr. soch.: v 4 t. T. 3 [Collected Works: at 4 Vol. Vol. 3]. М., Mysl', 1994. 654 p.
 20. Pustoi znak [Blank Sign] // Noveishii filosofskii slovar'. 3-e Izd. [The Newest Philosophical Dictionary 3rd Ed.]. Minsk, Knizhnyi dom, 2003. P. 810.
 21. Puyu Yu.V. Skrytyi smysl reklamy [The Hidden Meaning of Advertising] / Idei i idealy. 2016, no. 1 (27), Vol. 2, pp. 47–53.
 22. Romanenko I.B. Gumanizatsiya obrazovaniya i problema defitsita molodezhnykh tsennostei [Humanization of Education and the Problem of the Lack of Youth Values] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2013, no. 4, pp. 123–130. URL: адрес не найден.
 23. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Space and Text] Tekst: semantika i struktura [Text: Semantics and Structure]. М., 1983, pp. 227–284.
 24. Uspenskii B.A. Istoriya i semiotika (Vospriyatие vremeni kak semioticheskaya problema) [History and Semiotics (Perception of Time as a Semiotic Problem)] // Izbrannye trudy: v 3 t. T. 1 [Selected works: in 3 v. Vol. 1]. М., 1996, pp. 9–70.
 25. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [Absent Structure. Introduction to Semiology]. SPb., 2004. 544 p.
 26. Eriksen T.Kh. Tiraniya momenta: Vremya v epokhu informatsii / per. s norv. [Tyranny of the Moment: Time in the Age of Information / trans. from Norw.]. М., Ves' mir, 2003. 207 p.
 27. Augé M. Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. London, New York: Verso, 1995. 132 p.
 28. Thompson J.B. Media a modernita. Praga: Karolinum, 2004. 219 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурейко Лариса Валериановна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедр истории, философии, политологии и социологии факультета экономики

и менеджмента Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I;
e-mail: lamureiko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTOR

Larisa Mureyko – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology at the Faculty of Economy and Management at Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University;
e-mail: lamureiko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Мурейко Л.В. «Нулевое», или «пустое» время: к проблеме деперсонализации в пространстве масс-медиа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017, № 1. С. 121-132.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-121-132

CORRECT REFERENCE

L. Mureyko. The “Zero”, or “Empty” Time: the Problem of Depersonalisation in the Space of Mass Media // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy, 2017, no. 1, pp. 121-132
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-1-121-132